

Виктор КОВРИЖНЫХ

«ЗА ГОРЬКИМ ХЛЕБОМ В ХОЛОДА...»

* * *

Кто в Голливуд, кто в храм, кто на завод.
А я иду доить свою корову!
И жизнь всегда нормальна и здорова
в моих пределах буден и забот!

С коровой рядом я построил дом.
За домом — сад. Замечу вам: не Слово,
была вначале все-таки Корова,
а прочий мир приладился потом...

Звенят в подойник струйками века!
Ты говоришь, трактую я неверно?
А ты меня попробуй опровергни,
когда попьешь парного молока!

Не бедствуя живу в своем краю.
Считаю дни, расходы и доходы.
Весной приходят с просьбой садоводы —
продать навоз. И я им продаю.

Глафира

Вновь отворится калитка со скрипом —
вот и она, будто вещая сила.
Голос ее — потускневший и хриплый,
будто осенним дождем простудила.

Старая-старая, точно скитание
в скорбной юдоли, войной опаленной.
Только в глазах еще брезжит сияние,
словно заката огонь потаенный...

— Что тебе надобно, бабка Глафира? —
тихо спрошу я незваную гостью.
— Знаний поведать сердечного мира.
Скоро утешусь травой на погосте...
Тускло мерцают запавшие очи,
брезжит ознобно природа иная.
— Много ты знаешь о жизни и прочем,

только душа твоя большее знает, —

скажет мне это и с кроткой улыбкой
встанет с крылечка, платочком утрется.
Выйдет на улицу, скрипнет калиткой,
вздых потаенный в листве отзовется...

Ночью однажды ужалила жалость.
Стало вдруг зябко, тревожно и сиром.
Помню, подумал: «Глафира скончалась».
Утром сказали: «Скончалась Глафира»...

В деревне

На дне седого дня — газетный снег...
По расписанию автобусы и зимы.
Чтоб вычислить светил разумный бег,
достаточно тропы до магазина.

Предугадать высокий вещей свет
не мудрено в глуши и во столицах.
Тропе уже почти две тыщи лет,
и никогда не поздно возвратиться

в народ, за горьким хлебом в холода...
Жизнь — отгиск реформаторского неба.
И если Он с небес сойдет сюда,
то молча встанет в очередь за хлебом.

Так жизнь вросла корнями — не содрать! —
в текучку дней, традиции, приметы,
что проще землю заново создать
по чертежам библейского Завета...

А снег летит с газетного листа,
и жизнь течет по руслу объяснимо.
И ощущать присутствие Христа
полезней, чем Его увидеть зримо.

* * *

Ускользя к дальнему рассвету,
душу мою вытянет на ветер.
Вот уж электричка не слышна.
Следом обнищает тишина...

Подберу к мелодии металла
молодой черемухи слова.
Вспыхнет свет заводов до Урала,
но цветы погаснут и листва.

Ни к чему придумывать мне долю —
загадала так природа-мать:
нянчить свет удобно мне в ладонях
и топор убийственный держать.

И скажу расхожею строкою,
отправляясь в угольный забой:
людям свет несу одной рукою,
высыхают реки от другой.

Не молюсь расхристанному свету,
коль во мне падение и взлет.
Соль судьбы бросаю, как монету,
тяжела — не каждый подберет...

* * *

Непонятно мне все же, куда мы спешим,
растворяясь в толпе обреченно?
Над чумазой котельной скорбит черный дым,
оттого что он — черный...

Веют жаром в лицо мне порода и шлак,
слепнут птицы в промышленном зное.
В спину дует тоской безысходной сквозняк
из пустых родников и забоев.

Шорох ржавой травы, в придорожной пыли
вянет горсть одичавшего сада.
И присниться бредет к Сальвадору Дали
металлический облик распада.

Соком горьким исходит полынь на песке,
даль сгорает пред мысленным взором.
С убыванием речи живой в языке
вымирают леса и озера.

Зерна пепла и шлака стекают из рук,
дым вопросом вздымается снова.
И стенает в душе неприкаянный звук,
как обломок начального Слова...